

Ю. Николаев

В поисках за Божеством

**Москва
«Книга по Требованию»**

Ю. Николаев
Ю11 В поисках за Божеством / Ю. Николаев – М.: Книга по Требованию, 2023. – 536 с.

ISBN 978-5-458-62404-6

Юрий Николаев - это псевдоним, под которым публиковала свои работы Юлия Николаевна Данзас (1879-1942), историк религии и философии, талантливый публицист и общественный деятель. Юлия Николаевна представляет старинный дворянский род французского происхождения, является внучатой племянницей Константина Данзаса - друга А. С. Пушкина, его соученика по лицей и секунданта на последней дуэли. Предлагаемая Вашему вниманию книга «В поисках за Божеством» (1913), первая на русском языке монография о гностицизме I-II веков. В ней дан блестящий анализ важнейшей богословской полемики, начавшейся с гностиков и закончившейся утверждением никейского символа веры. Автор показывает что за Симоном Волхвом в древних текстах понимался ап. Павел в его полемике с ап. Петром. Многочисленные раннехристианские легенды, которые повествуют о о духовном противостоянии апостола Петра и Симона Мага, о обоюдных чудесах и финальной победе Петра, в изначальном варианте вместо фигуры Симона Мага говорили об апостоле Павле, противопоставлявшемся апостола Петру. В первые века церкви Петр и Павел рассматривались как антагонисты, как выразители противоположных метафизических и онтологических взглядов, и лишь впоследствии церковь по историко-политическим соображениям постаралась скрыть и замаскировать это противоречие, перенесла всю тяжесть анафемствования на заведомых еретиков, таких как Симон Маг или гностики.

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Около двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ надъ античнымъ міромъ взошла заря христіанства.

Міръ,—то была Римская держава. Отъ края до края ея тянулась нестрая смѣсь народовъ и племенъ, нарѣчій и вѣрваній, и надъ этой разнородной массой, уже слагавшейся въ стройный синтезъ государственнаго единства и мысли,—проносилось вѣяніе близкаго синтеза духовнаго.

Римская держава, объединившая все племена — посятели культурныхъ идеаловъ, была въ апогеѣ славы и могущества. Ея властью были прекращены вѣчныя войны и междоусобія, истощавшія древній міръ и приведшія къ паденію Элладу. Отнынѣ войны велась лишь на отдаленныхъ границахъ имперіи для отраженія патиска варваровъ, но въ предѣлахъ культурнаго міра, объединеннаго подъ сѣнью римскаго орла, царила величавая «рах гомана» и освобождала все лучшія силы человѣческаго духа для творческой работы мысленія. И въ этой области умственной и духовной жизни происходило великое броженіе,—предвѣстникъ величайшаго въ міровой исторіи религіознаго движенія.

То было броженіе всехъ мистическихъ идеаловъ, всехъ религіозныхъ потребностей. Никогда человѣчество не испытало такого порыва въ высь отвлеченнаго созерцанія, никогда глубочайшіе вопросы жизни и духа не стояли такъ ясно передъ человѣческимъ сознаніемъ. Никогда человѣческое мысленіе не отдавалось такъ безудержно страстному исканію Божества...

Начало христіанской эры завершило собою рядъ событій первостепенной важности, измѣнившихъ весь обликъ и общественныя условія древняго міра. Последній вѣкъ передъ Р. Х. видѣлъ быстрое распространеніе римскаго владычества по всему Востоку; конецъ его ознаменовался полнымъ крушеніемъ рес-

публиканскаго строя въ Римѣ и сосредоточеніемъ небывалой, почти всемірной власти въ рукахъ единаго повелителя, превозпедшаго могуществомъ всѣхъ бывшихъ монарховъ сѣдоваго Востока. Это коренное измѣненіе быта и общественныхъ отношеній древняго міра разсматривается донинѣ, какъ паденіе древне-римскихъ гражданскихъ идеаловъ, повлекшее за собою распатаніе нравственныхъ устоевъ и медленное разложеніе общества, погрязшаго въ восточной нѣгѣ, роскоши и развратѣ. На самомъ дѣлѣ сліянiе въ великой имперіи двухъ культурныхъ міровъ Востока и Запада имѣло не одни только отрицательныя послѣдствія. Наоборотъ, оно содѣйствовало братскому единенію всего мыслящаго человѣчества; съ крушеніемъ всѣхъ граней племенныхъ и государственныхъ открылся широкій просторъ сильнымъ умамъ, для которыхъ весь культурный міръ сталъ отчизной и свободной каеедрой. Римская держава вмѣстила въ себѣ разнородную человѣческую массу, не исключая грубой, невѣжественной толпы съ ея грязными инстинктами, но въ этой массѣ оказались включенными и мыслители, парящіе у вершинъ человѣческаго созерцанія. И духовное броженіе, начавшееся на всемъ пространствѣ великой имперіи, сказалось не только въ суевѣрiи толпы, но и въ самыхъ возвышенныхъ религіозныхъ порывахъ, и въ глубокомъ богоскательствѣ философскаго мышленія. Въ общественномъ бытѣ, это броженіе выразилось въ страстной потребности облагороженія жизни новой, чистой моралью.

Развратъ и разнузданность низшихъ инстинктовъ, смѣшившіе древне-римскую строгость нравовъ, вызывали брезгливую реакцію въ лучшихъ людяхъ и понуждали ихъ къ исканію крѣпкихъ моральныхъ устоевъ. Отвѣтомъ на эту потребность нравственной чистоты являлась стоическая философія,—и вокругъ ея возвышенныхъ принциповъ сгруппировались многіе борцы за духовное достоинство человѣка.

Стоицизмъ не давалъ отвѣта на мучительные, основные вопросы о сущности бытія, о проблемѣ добра и зла и т. д. Его ученіе обращалось преимущественно къ людямъ, познавшимъ безплодность терзаній мысли надъ недоступными вопросами, къ людямъ, извѣрившимся въ возможность разрѣшенія міровыхъ загадокъ. И это ученіе говорило о величiи человѣческаго духа, сознающаго свое превосходство надъ окружающей природой, презирающаго эту низшую природу. Въ этомъ ученіи не было мистики, но его мораль стояла на недостижимой высотѣ. Стоики до-

казали, что именно чистѣйшая мораль возможна безъ примѣси религіознаго настроенія. Они достигли высшей степени презрѣнія къ тѣлу и отреченія отъ всего плотскаго, — и только во имя человѣческаго достоинства, во имя аристократіи духа, не признающей животныхъ потребностей и отрекающейся отъ низшей природы человѣка. Не пытались объяснить не постижимую связь духа съ плотью, они ограничивались высококомѣрнымъ отрицаніемъ этой связи, утверждая, что сильный духъ не можетъ реагировать на плотскія ощущенія. Быть можетъ, никогда презрѣніе къ тѣлу не было выражено съ такой силой, какъ въ гордомъ утвержденіи стоика, что физическую боль нельзя признать зломъ! Это презрѣніе не подкрѣплялось надеждой на будущую жизнь и возмездіе; оно основывалось лишь на той безгливости, съ которой истинно духовный человѣкъ отстраняетъ отъ себя всякое напоминаніе о своемъ животномъ «я», его потребностяхъ и его страданіяхъ. Быть можетъ, это гордое безнадежное стоическое міросозерцаніе было самымъ ягучимъ протестомъ противъ безсмысленности жизни, когда либо брошеннымъ человѣческою мыслью міровой судьбѣ...

Но въ этомъ спокойномъ пренебреженіи къ жизни были отѣнокъ непониманія нѣкоторыхъ жизненныхъ запросовъ, забвеніе коихъ человѣчеству не дано; въ этомъ аристократическомъ презрѣніи къ тѣлу не было отвѣта на мучительные вопросы о сущности духа и тѣла, на вопросы, вѣчно терзающіе мысленіе и не дающіе покоя человѣческому сознанію. Оттого стоицизмъ, такъ высоко поднявшій знамя чистой морали, не могъ утолить мучительной жажды истины, не могъ замѣнить религіознаго настроенія въ душахъ, охваченныхъ тоской Богоискательства. Мистическія потребности, проснувшіяся въ человѣческомъ сознаніи, искали себѣ простора въ безудержныхъ порывахъ. Чистая мораль, какъ бы она ни была высока, не могла удовлетворить этихъ потребностей. Міръ жаждалъ не одного только нравственнаго подъема, — онъ искалъ Бога, онъ ждалъ экстаза, онъ ждалъ радостнаго сознанія близости къ Божеству, блаженнаго предвѣденія невѣдомаго, умлениаго созерцанія непознаваемаго. И было ясно, что пришло время восторженной религіозной проповѣди, побѣда которой была обезпечена.

Въ настоящее время довольно распространено ошибочное мнѣніе, будто религіозный подъемъ, пронесшій по всему міру христіанскую проповѣдь, являлся реакціей разума противъ не-

сообразностей и умственного убожества языческаго политеизма. На самомъ же дѣлѣ мистическое броженіе, обезпечившее успѣхъ христіанства, являлось реакціей мистическаго чувства противъ потускнѣвшаго язычества, превратившагося въ сухую казенную религію и утратившаго власть надъ сердцами. Не разумъ подсказывалъ отречься отъ старыхъ мѣоовъ во имя строгаго монотеизма, а, наоборотъ, мистическое сознаніе силлось вернуться къ пониманію старыхъ символовъ и пробуждало въ мірѣ забытую тоску Богоискательства.

Старая религія мало удовлетворяла. Лишь не многимъ избранникамъ была доступна красота ея поэтическихъ аллегорій и глубокихъ символовъ; для большинства она казалась лишь нагроможденіемъ старыхъ суевѣрій, уважаемыхъ лишь въ силу почтенныхъ традицій. Никакихъ слѣдовъ внутренняго религіознаго смысла не оставалось въ официальномъ общественномъ культѣ. Древній Римъ, умѣвшій создать несравненную дисциплину духа, былъ чуждъ мистическимъ созерцаніямъ, удѣлялъ имъ слишкомъ мало мѣста въ своей государственной религіи. И эта религія оказалась сведенной къ выѣшней обрядности.

Этотъ официальный культъ, всюду распространяемый вмѣстѣ съ владычествомъ Рима, водворяемый по всему пространству имперіи вмѣстѣ съ его орлами, — былъ въ истинномъ смыслѣ государственною религіею, неразрывно связанной съ римскою гражданственностью. Боги Рима были прежде всего покровителями имперіи, небесными вождями ея непобѣдимыхъ легионовъ, радѣтелями за ея мощь и славу. Въ этомъ сонмѣ боговъ были не только древнѣйшія мѣстныя божества Рима, но и множество иноплеменныхъ божествъ, постепенно вошедшихъ въ римскую религію и слившихся съ нею, какъ сливались съ римскимъ государствомъ покоренные народы. Здѣсь была и мѣология Греціи, цѣлкомъ воспринятая Римомъ, и фригійскій культъ «Великой Матери», торжественно введенный въ римскій религіозный строй еще во время пуническихъ войнъ (въ 204 г. до Р. Х.) и игравшій большую роль въ официальной и общественной жизни Рима, а им. др. Иноплеменные божества, занявъ мѣсто въ римскомъ пантеонѣ, становились истыми національными богами и небесными воевателями за римскую державу. Такъ создавалась государственная религія, подъ сѣнью которой крѣпли мощь и величіе Рима.

Эта религія была по существу культомъ государственнаго престижа, что и выражалось въ ея сложной и пышной обрядности. Внутреннюю, духовную сторону жизни гражданъ она мало затрагивала. Но съ внѣшней стороны ея значеніе въ частной и въ общественной жизни было громадно. Уважать ее значило преклоняться передъ престижемъ Рима, и потому римскій патріотизмъ былъ всегда въ самой тѣсной связи съ этимъ религіознымъ міросозерцаніемъ. Преданность Риму естественно сочеталась съ привязанностью къ религіи, олицетворявшей римское величіе, и именно въ такой формѣ выражалось отношеніе къ государственной религіи лучшихъ римскихъ патріотовъ, отъ Катона до Марка Аврелія. Стоическое міросозерцаніе вполне уживалось съ этой преданностью національному культу, и даже легко мирилось съ его крайними проявленіями, каковымъ являлось, напримѣръ, обожествленіе императорской власти.

Культъ Цезаря, занявшій центральное мѣсто въ религіозномъ міросозерцаніи времени имперіи,—былъ логическимъ послѣдствіемъ обожествленія государственнаго принципа. Онъ естественно возникъ тотчасъ по сосредоточеніи всей полноты подавляющаго величія и власти въ рукахъ одного повелителя, лившагося воплощеніемъ государственныхъ идеаловъ Рима. Первый же императоръ, Августъ, еще при жизни почитавшійся въ мистическомъ сочетаніи съ обожествленнымъ символомъ самаго Рима (Dea Roma), послѣ смерти былъ официально причисленъ къ сонму боговъ, а затѣмъ постепенно установился обычай воздавать цезарю еще при жизни его божескія почести, какъ носителю государственнаго престижа. Обрядовая сторона этой своеобразной религіи была неразрывно связана съ общественнымъ и государственнымъ строемъ Рима.

Но эта казенная религія, вводившая много гражданскихъ обязанностей во внѣшнія проявленія культа, не затрагивала духовныхъ интересовъ человѣчества и была мало стѣнительна для свободы совѣсти. Въ вопросахъ личнаго убѣжденія и вѣры она отличалась самой широкой терпимостью, требуя лишь внѣшняго уваженія къ своимъ обрядамъ и символамъ. Такое внѣшнее почитаніе уважаемыхъ традицій могло вполне мириться и съ спокойнымъ скептицизмомъ стоиковъ, и съ приверженностью какому-нибудь мѣстному религіозному культу, и съ мятежнымъ богоискательствомъ мистическихъ сектъ и школъ. Официальное язычество Рима не знало религіозныхъ преслѣдованій и

относилось съ одинаковымъ равнодушіемъ ко всѣмъ проявленіямъ Богоискательства, ко всѣмъ вѣрованіямъ и мѣстнымъ культамъ, процвѣтавшимъ во всѣхъ областяхъ и отдаленнѣйшихъ захолустьяхъ великой имперіи. Эта терпимость, стала еще шире при императорскомъ режимѣ, чѣмъ при старомъ республиканскомъ строѣ, консерватизмъ котораго отличался бѣльшей подозрительностью. Такъ, при имп. Калигулѣ былъ оффиціально признанъ въ самомъ Римѣ культъ Изиды и Сераписа, подвергавшійся ограниченіямъ и даже запретамъ при республикѣ, болѣе ревниво оберегавшей принципъ государственной религіи. Даже еврейство, несмотря на узко-національный фанатизмъ его религіознаго міросозерцанія, не подвергалось стѣсненіямъ въ чисто-религіозномъ смыслѣ, и римскій императоръ даже могъ, не вызывая ни въ комъ удивленія, жертвовать священные сосуды въ іерусалимскій храмъ ¹⁾. Подъ кровомъ этой терпимости безпрепятственно развивалась и процвѣтала въ самомъ Римѣ страстная мистическая пропаганда, привлекавшая послѣдователей въ ряды самыхъ разнообразныхъ вѣроученій. Римскія власти не усматривали въ этомъ увлеченіи мистическими вѣрованіями попранія правъ національной религіи; девизомъ этого благодушнаго, слегка пренебрежительнаго отношенія къ вопросамъ религіознаго убѣжденія, могло служить знаменитое выраженіе императора Тиверія: «*deorum injurias diis curae*» ²⁾. Иное отношеніе къ свободѣ совѣсти возникало лишь тогда, когда религіозный вопросъ дѣйствительно вторгался въ область государственнаго порядка, когда поклоненіе иноплеменинымъ богамъ въ самомъ дѣлѣ сопровождалось оскорбленіемъ національной религіи или вообще являлось опаснымъ съ политической точки зрѣнія ³⁾. Такіе случаи возникали иногда именно вслѣдствіе смѣшенія понятій о религіозномъ и государственномъ достоинствѣ; открытое неуваженіе къ оффиціальному культу могло навлечь обвиненіе въ оскорбленіи величества, ввиду особеннаго положенія, занятаго императоромъ въ этомъ культѣ. Такъ и случилось впоследствии съ христіанствомъ, не желавшимъ подчиняться внѣшнимъ формамъ и обрядамъ оффиціальнаго язычества. Этимъ отказомъ христіане навлекали на себя подозрѣніе

¹⁾ Ios. Flav. *Bell. Iud.* V, XIII, 6.

²⁾ Tacit. *Annal.* lib. I. 73.

³⁾ Такъ, въ эпоху покоренія Галліи, подвергши притѣсненіямъ мѣстный друидическій культъ въ виду его національно-политическаго значенія.

въ неуваженіи къ государственной идеѣ и верховной власти, и подпадали подъ жестокую кару закона. Но, какъ увидимъ далѣе, то была кара за принадлежность къ нелегальному сообществу, а отнюдь не за личныя религіозныя убѣжденія. Въ вопросахъ свободы совѣсти Римъ всегда оставался вѣрнымъ своей принципиальной терпимости, до того отдаленнаго момента, когда на закатѣ римской исторіи правители Имперіи, предвидя ея гибель, думали умиловитивъ гнѣвъ боговъ насильственнымъ поддержаніемъ ихъ престижа, и пытались замѣнить религіозными гоненіями угаснувшую римскую доблесть.

Но въ тотъ моментъ міровой исторіи, съ котораго мы начали свое повѣствованіе,—въ моментъ зарожденія христіанства среди общаго духовнаго броженія древняго міра,—ни о какихъ религіозныхъ стѣсненіяхъ не могло быть и рѣчи; никакого конфликта между религіознымъ сознаніемъ и гражданскимъ долгомъ еще не было и не предвидѣлось. Исканіе Бога, проснувшееся въ человѣческой душѣ повелительною потребностью, не затрагивало государственныхъ идеаловъ и не тревожило правительственную власть. Римъ равнодушно взиралъ на мистическій порывъ, охватывавшій человѣческое сознаніе.

А порывъ этотъ являлся реакціей противъ оскудѣнія религіознаго духа, противъ опошленія старыхъ вѣрованій забвеніемъ ихъ затаеннаго смысла. Подъ покровомъ величавой терпимости Рима этотъ глубоко сокрытый смыслъ древнихъ культовъ повсюду возрождался, одухотворяя новою жизнью религіозное сознаніе человѣчества. Въ Элладѣ, въ Египтѣ, въ Малой Азіи, въ Персіи,—во всѣхъ древнихъ святилищахъ, вокругъ всѣхъ ветхихъ алтарей, религіозная жизнь забила ключемъ, волна ея расходилась широкими кругами и плескъ ея доходилъ до самаго Рима. Всѣ эти возрожденные культы вливались нестройной смѣсью въ оффиціальнй политеизмъ, въ немъ растворялись и облагораживали его. Міръ словно почувалъ вдругъ возможность сліянія всѣхъ религіозныхъ порывовъ въ единую формулу страстнаго Богоискательства.

То было исканіе синтеза всего человѣческаго мышленія, исканіе разгадки всѣхъ міровыхъ тайнъ, и потребность мистическаго общенія съ Божествомъ. Этические запросы занимали послѣднее мѣсто въ этомъ стихійномъ порывѣ. То была мистическая тоска по Богу, мало доступная современному пониманію.

Современное міросозерцаніе отождествляетъ религіозную потребность съ требованіемъ моральныхъ устоевъ, и дерзкій, вѣчно мучительный вопросъ—есть Богъ или нѣтъ Его?—нынѣ почти что сводится къ академическому спору о томъ, необходимо ли было для созданія міра влѣпительство Божественной Первопричины, или же возможно самозарожденіе матеріи безъ Творца? Но для древней мысли, одухотворенной мистическимъ чутьемъ, исканіе Бога было глубокой жизненной потребностью въ единеніи съ Невѣдомой Сущностью, частица которой чулась въ каждомъ отдѣльномъ сознаніи. Въ поискахъ за Божествомъ человѣческій духъ искалъ разрѣшенія загадки собственной сущности. Въ наше время, тамъ, гдѣ идея Божества сведена къ роли далекой Первопричины, она занимаетъ лишь мало мѣста въ человѣческой жизни; въ сущности, исканіе Бога нынѣ представляется обездоленнымъ, обниженнымъ судьбою, и современная интеллигенція склонна видѣть въ этомъ исканіи извѣстное признаніе въ слабости, потребность утѣшенія въ жизненныхъ невзгодахъ. Современное религіозное настроеніе изъ всѣхъ евангельскихъ призывовъ запомнило лишь обращеніе къ «труждающимся и обремененнымъ». Но для древняго мистическаго міросозерцанія исканіе Бога было насущной потребностью, помимо всякихъ радостей или печалей земного удѣла, помимо этическихъ принциповъ, помимо даже философскаго исканія Первоисточника бытія. Для такого міросозерцанія ограниченіе идеи Божества ролью Утѣшителя несчастныхъ было бы униженіемъ этой идеи, равно какъ и низведеніе Бога на степень лишь отдаленной и чуждой Первопричины. Творческая Воля, проявляющаяся въ созданіи міра, Неизсякаемое милосердіе, укрѣпляющее падшихъ и скорбящихъ,—могутъ быть лишь высшими атрибутами Идеи Божества, отнюдь не исчерпывающими Ея значенія для мірового сознанія. Но истинное исканіе Бога должно быть напряженіемъ всѣхъ духовныхъ силъ для обрѣтенія познанія сущности духа и духовнаго начала въ мірѣ; въ этомъ исканіи заключенъ весь смыслъ и цѣнность человѣческаго сознанія. То—вѣчное исканіе синтеза, въ которомъ должны объединиться всѣ порывы человѣческаго мышленія, и все чуткое предвѣдѣніе Невѣдомаго, и всякое познаніе, и вѣчное стремленіе къ Непознаваемому. И эти страстные поиски за Божествомъ—религія не слабыхъ и стращдущихъ, а сильныхъ духомъ,—не побѣжденныхъ жизнью, а побѣдителей ея.

Само собой разумѣется, что *такое* Богоискательство не было и никогда не могло быть достояніемъ толпы. Мы здѣсь намѣчаемъ лишь тѣ общія очертанія его, которыя носились въ сознаніи древняго міра, то служивалось до уровня грубаго пониманія массы, то расширяясь до безпредѣльнаго простора философскаго созерцанія. Мистическое броженіе, охватившее умы передъ зарею христіанства, именно тѣмъ и знаменательно, что оно не было заключено ни въ какія рамки общественнаго быта или умственнаго развитія. Вѣяніе мистики проносилось по всему древнему міру, пробуждая въ толпѣ религіозный инстинктъ вмѣсто грубаго сусвѣрія, въ просвѣщенныхъ умахъ религіозное сознаніе и потребность трансцендентальнаго созерцанія. Повторяемъ, что никогда человѣческая жизнь не слагалась въ такія благоприятныя условія для исканія общаго синтеза. Римская имперія давала внѣшній миръ, необходимый для расцвѣта духовныхъ потребностей. Сліяніе Запада съ Востокомъ вновь оживляло тѣ сѣмена восточной метафизики, которыя были когда-то заложены въ европейскомъ мышленіи философами Эллады, воспитанными на мудрости Востока. Отъ Египта до глубины Индіи происходили оживленные обмѣны мыслей и таинственныхъ созерцаній. Наконецъ, устраненіе всякихъ государственныхъ границъ дало сплывъ толчекъ къ покоренію всего мыслящаго человѣчества эллинской культурой, и эта эллинизация міра выразилась прежде всего въ общемъ распространеніи греческаго языка, на которомъ заговорило все просвѣщенное человѣчество. Эта общность культурнаго языка въ свою очередь содѣйствовала тѣснѣйшему сближенію всѣхъ проявленій человѣческой мысли въ ея поискахъ за вѣчной Истиной.

Эллинизация міра подготавливалась давно. Мы знаемъ, что еще въ пвѣтущую пору Эллады ярко блистали очаги греческой культуры въ Южной Италіи и въ Малой Азій; то, что мы называемъ эллинизмомъ, эллинскимъ духомъ, никогда не ограничивалось предѣлами Греціи и, наоборотъ, блестящіе центры его были разбросаны по всему побережью Средиземнаго моря. Эллинизмъ никогда не носилъ характера самобитной, національно-замкнутой цивилизации; онъ былъ выразителемъ обще-человѣческихъ порывовъ къ свѣту истины, красоты и гармоніи, и поэтому легко воспринималъ и въ себѣ растворялъ всѣ проявленія человѣческой мысли въ поискахъ за непреложными идеалами. Находившіеся въ постоянномъ соприкосновеніи съ нимъ

культы и религіозно-філософскія системы Востока входили въ него широкою струею, и только политическая вражда Греціи и Персіи нѣсколько противодѣйствовала духовному вліянію Востока на эллинское міросозерцаніе. Какъ извѣстно, эта вѣковая національная рознь привела къ заключительной побѣдѣ Эллады, когда Александръ Македонскій пронесъ до глубин Азии обаяніе греческаго имени и создалъ на развалинахъ Персидской монархіи великую державу, воплилъ эллинскую по духу и по языку, но открытую для всѣхъ вліяній Востока и неразрывно связанную съ цѣлымъ міромъ персидскихъ, ассиро-вавилонскихъ и египетскихъ традицій. Въ Египтѣ, въ Сиріи, ярко заблистали новые очаги этой расширенной эллинской культуры. Съ постепеннымъ же включеніемъ всѣхъ этихъ духовныхъ центровъ эллинизма въ римскую державу началось полное подчиненіе ему Запада, и наиболѣе яркимъ проявленіемъ этой эллинизации міра было распространеніе греческаго языка, вошедшаго во всеобщій обиходъ.

Не только на Востокѣ, но даже на Западѣ, подъ непосредственной снью римской государственной культуры, цѣлыя группы населенія стали изъясняться лишь на греческомъ языкѣ и на немъ выражать свои духовныя потребности. Въ самомъ Римѣ для нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ, какъ напр. въ культѣ Великой Матери, пользовались исключительно греческимъ языкомъ ¹⁾. Мы увидимъ далѣе, что приблизительно до середины II вѣка по Р. Х. вся литература христіанства была исключительно греческой, и это обстоятельство болѣе всего способствовало ея быстрому распространенію по всему міру. Греческій языкъ былъ обиходнымъ для всевозможныхъ слоевъ общества, отъ высшихъ, пропитанныхъ эллинскою культурою, до низшихъ, т. е. до той характерно — пестрой народной массы, въ составъ которой входили многочисленныя пришельцы съ Востока: наемники, вольноотпущенные, рабы и рабыни, воины, ремесленники и всякіе иные элементы восточной толпы, перенесенные волею судьбы въ Римъ и другіе центры западнаго міра. Весь этотъ людъ приносилъ съ собою на Западъ свой языкъ, свои вѣрованія, свои суевѣрія, вытѣсенія всякіе остатки узкаго націонализма и бессознательно способствуя превращенію Римской имперіи въ міровую державу. Идеаль всемірнаго языка былъ почти достигнутъ въ этомъ мірѣ, такъ стихійно

¹⁾ См. Preller, *Römische Mythologie*, VI, 8.